

Валерий БРЮСОВ

Здравого смысла тартарары

Диалог о футуризме

В. В. Маяковский: pro et contra / Сост., вступ. статья, коммент. В. Н. Дядичева. -- СПб.: РХГА, 2006. (Русский Путь).

[OCR Бычков М. Н.](#)

Лица диалога:

Неистовый критик. Писатель уже немолодой, начавший писать еще при Надсоне, но потом уверовавший в символизм.

Умеренный критик. Писатель более молодой, особенно боящийся прослыть отсталым.

Поэт-символист. Стареющий юноша, с вкрадчивыми манерами.

Футурист. Умеренный, печатавший свои стихи в "Очарованном страннике" и "Мезонине поэзии"

Историк литературы. Лицо скучное. Резонер.

Все пятеро сравнительно давно знакомы друг с другом. Диалог происходит в отдельном кабинете ресторана, за стаканами слабого белого вина (вероятно, шабли), которое историк пьет без всякого удовольствия, а футурист -- с явным презрением. Приятели собрались в ресторане после публичной лекции другого футуриста, крайнего (который, к сожалению, в диалоге не участвует), на тему: "Здравого смысла тартарары". Лекция кончилась, как водится, скандалом и теперь, уже с полчаса, служит предметом обсуждения.

Приятели называют друг друга (в том числе и футуриста и он других) просто по имени и отчеству. Неистового зовут Александр Борисович, что можно обозначить буквами А. Б. Точно так же умеренного можно обозначить буквами В. Г., символиста -- Д. Е., Футуриста -- Ж. З., историка -- И. И.

ДИАЛОГ

Неистовый. -- Нет-с, извините! "Мне не смешно, когда маляр негодный мне пачкает Мадонну Рафаэля!" Все, чем человечество гордилось тысячелетия: Гомер, Данте, Шекспир, Гёте, Пушкин -- приходят какие то мальчишки и объявляют это все насмарку! (В волнении неистовый говорит анаколуфически). Там были глубочайшие проникновения в самую суть нашего духа, там было торжествующее преодоление, так сказать, нашей земной сущности! То были достижения, откровения, которые мы, люди, могли бы противопоставить жителям иных планет, если бы они однажды явились на нашу маленькую землю! И чем же нам предлагают заменить все это? Нечленораздельными звуками! Века, тысячелетия человечество искало выражения своей коллективной личности, обрело его наконец, -- и что же? Нас хотят вернуть к дикому вою троглодитов, который, может быть, и оглушает, но от которого становится только тошно! Нет-с, извините! Позвольте мне остаться с моим Гёте и моим Шекспиром!

Умеренный. -- Простите, А. Б., дело совсем не в этом. К чему брать крайности? Наш друг, Ж. З., сам конечно, не разделяет разных диких выходок своих quasi-единомышленников, -- начиная с раскрашивания лиц и кончая стихами на языке "дыр-бул-щыл". Такие крайности естественны в молодой школе, притом подвергающейся яростным нападкам. То же самое бывало и в первые годы романтизма, и в первых битвах символистов. Не правда ли, И. И.?

Историк (внимательно изучая карту вин, не подымая головы). -- Бывало.

Умеренный (продолжает). -- Меня смущает не это. Я вполне понимаю возникновение футуризма. Это -- порождение современных больших городов, той культуры, о которой так хорошо сказал Игорь Северянин, что она "гнила, как рокфор". С одной стороны, началось повальное увлечение стариной. Маринетти и его товарищи стоном застонали от того преклонения перед старой Италией, которое современным итальянцам жить не дает. А у нас разве лучше? Да одна эпидемия неожиданного восторга перед старыми иконами, которая охватила сейчас всю Россию (а, кажется, и не одну Россию), чего стоит! Понятно, что художники завопили: "к черту старину! мы хотим жить сегодня, а не третьего дня!" С другой стороны, настал век машин, механизма. Все "омашинилось", говоря футуристическим языком. Фабрики, телефоны, синематографы, автомобили, аэропланы -- без них теперь нельзя себе и представить